

АНАТОМИЯ ФИЛОСОФИИ: КАК РАБОТАЕТ ТЕКСТ

Цикл «Реплики»

**ДНЕВНИК. ПИСЬМО. ЛИЧНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО:
ЛЕВ ШЕСТОВ – С.Н. БУЛГАКОВ**

**Участники: А.П. Козырев, К.В. Ворожихина
Организатор проекта и ведущая – Ю.В. Синеокая**

Ворожихина Ксения Владимировна – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: x.vorozhikhina@gmail.com

Козырев Алексей Павлович – кандидат философских наук, заместитель декана по научной работе философского факультета, доцент кафедры истории русской философии. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: a.kozyrev@bk.ru

Синеокая Юлия Вадимовна – доктор философских наук, профессор РАН, заведующая сектором истории западной философии. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: sineokaya@iph.ras.ru

Хориэ Хироюки – редактор журнала “Eurasia view” (Токио); e-mail: hiroyukiho@mail.ru

Участники беседы обсудили вопрос, что может дать текст дневника, письма или личного свидетельства для понимания философского сочинения, как связаны личные переживания и философские искания. Шестов и Булгаков при всех их различиях (проблемных и стилистических) имеют точки соприкосновения: библейское предание, сомнение во всеисии разума, экзистенциальные истоки творчества и др. Несмотря на то, что Шестов практически никогда не говорит от своего лица, его философия представляет собой самообнажение и самоанализ, а его работы оказываются непрямой исповедью. Булгаков переносит многое из дневников в свои философские работы, причем при использовании одного и того же текста дневника он может изменять его смысл. Так, на основе анализа этой правки можно проследить, как эволюционирует мировоззрение Булгакова. В дискуссии были задействованы неопубликованные материалы: письма Шестова и Булгакова, книга Булгакова «София, Премудрость Божья» и др.

Ключевые слова: религиозная философия, дневники, С.Н. Булгаков, переписка, софиология, философия трагедии, Лев Шестов, воспоминания

Ю.В. Синеокая. Дорогие друзья, мы начинаем очередной философский вечер цикла «Реплики» совместного проекта Института философии РАН и московской городской библиотеки им. Ф.М. Достоевского «Анатомия философии: как работает текст». У нас в гостях известный как в нашей стране, так и за рубе-

жом историк философии, исследователь отечественного духовного и интеллектуального наследия – Алексей Павлович Козырев. Он великолепный рассказчик и знаток русской философии. Я очень рада, что Алексей Павлович согласился принять участие в нашем проекте. Спасибо! Вторая наша собеседница – молодой исследователь Ксения Владимировна Ворожихина. Совсем недавно вышла в свет первая монография Ксении Владимировны «Лев Шестов и его французские последователи», от души поздравляю Ксению с первой книгой! Научным руководителем кандидатской диссертации, успешно защищенной Ксенией в МГУ несколько лет назад, был Алексей Павлович. Так что сегодня состоится беседа учителя и ученика, вновь встретившихся в нашем проекте уже как коллеги. Я уверена, что разговор получится плодотворным и интересным и даже, возможно, позволит открыть нашим гостям новые грани друг друга.

Тема нашей сегодняшней встречи – таинство рождения философского текста из личного экзистенциального опыта: метафизическое дневниковписание и исповедальная переписка как инварианты творчества, философские жанры в русской культуре. Герои нашего сегодняшнего разговора – отечественные религиозные мыслители первой половины XX столетия С.Н. Булгаков и Л.И. Шестов. Мы начинаем.

К.В. Ворожихина. Спасибо, Юлия Вадимовна! Я начну с того, что скажу несколько слов о Шестове. Шестов, как писал о нем Бердяев, «философствовал всем своим существом»¹, для него философия «была не академической специальностью, а делом жизни и смерти»². Его философия – это самообнажение, самоанализ; в ее основе – личное переживание, настоящее искание. Человеческая душа, полагал Шестов, по природе своей – философ, поскольку каждый человек заинтересован в решении философских вопросов, то есть вопросов о «самом ценном, важном, самом главном»³ – о Боге, о жизни, о смерти и о смысле человеческих страданий. У любого есть «метафизическая потребность», которая нуждается в удовлетворении. По мнению мыслителя, истин столько, сколько людей, каждый человек должен быть творцом своих истин, жить на свой страх и риск, делать выводы на основе собственного опыта. Свою задачу он видел в том, чтобы «помочь ближнему освободиться от обычной, ставшей как бы второй человеческой природой мудрости. Здесь еще человек может быть нужен и полезен человеку. Тот, кто узнал тщету человеческой мудрости, тщету готовых путей к истине, – может в трудную минуту поддержать и утешить начинающего»⁴. Таким образом, философия имеет пропедевтическое значение.

Задачу философии он видел в пробуждении ото сна, в призыве к бодрствованию, поэтому он полагал, что его философия должна «тормозить, щипать, бить, щекотать...»⁵ человека, чтобы привести его в чувство, в сознание, в реальность. Философия оказывается в конечном итоге «великой и последней борьбой за первоизданную свободу»⁶, то есть борьбой за реальность верующего сознания, не опороченную знанием.

А.П. Козырев. Диалог Шестова и Булгакова – это реальность. Шестов – киевский еврей, он был сыном киевского купца, печатался в киевских журналах и газетах. Первая его публикация в 1895 г. была посвящена статье «Смысл

¹ Бердяев Н.А. Основная идея философии Льва Шестова // Бердяев Н.А. Собр. соч. Т. 3. Париж, 1989. С. 407.

² Там же.

³ Шестов Л. Лекции по истории греческой философии. М.; Париж, 2001. С. 27.

⁴ Шестов Л. Sola fide – только верою. Париж, 1966. С. 285–286.

⁵ Шестов Л. Великие кануны. М., 2007. С. 35.

⁶ Шестов Л. Афины и Иерусалим. М., 2007. С. 28.

войны» Вл. Соловьева, которая сначала вышла в журнале, а не в составе книги «Оправдание добра». Интересно, что такой парадоксальный философ, который говорил о тщете разума и тщете философии, посвящает свою первую публикацию классику русской философии. А Булгаков жил в Киеве в 1901–1906 гг., где преподавал политическую экономию в Коммерческом институте. Булгаков родился в г. Ливны Орловской губернии, но с Киевом он, безусловно, связан, поскольку там прошли марксистские годы Булгакова. В 1900 г. вышла его книга «Капитализм и земледелие», ставшая классическим трудом по аграрному вопросу, на который ссылался Ленин. Булгаков хотел защитить его как докторскую диссертацию в Московском университете, но после защиты получил степень магистра, поскольку использованная Булгаковым марксистская методология настораживала. Шестов также в молодости увлекался политикой и был близок к народолюбцам, изучал Маркса и был одним из первых толкователей Маркса в Киеве⁷. Им была написана статья «Положение рабочих в России» (в соавторстве) и подготовлен текст диссертации на тему «Фабричное законодательство в России», который был отвергнут цензурой. Со временем Шестов отошел от политики, начал заниматься литературной критикой и развил свое учение о «философии трагедии».

К.В. Ворожжихина. Да, они впервые встретились в конце 1902 г. в литературно-художественном обществе и встречали вместе 1903 г. В это же время Шестов познакомился с Бердяевым. Булгаков, вспоминая киевские годы, писал о том, что ему вместе с Бердяевым и Шестовым приходилось держать фронт против представителей позитивизма и безбожия в борьбе за религиозное мировоззрение. Позднее их встречи продолжились в Москве. В ноябре 1915 г. Шестов прочитал доклад в Психологическом обществе на тему «*Rotestas clavium*» («Власть ключей»). После доклада на прениях права религиозного и мистического постижения истины защищали Булгаков, Рачинский и Бердяев, в то время как за разум вступились Е. Трубецкой и Л. Лопатин. Бердяев так писал об этом времени: «У нас в России в период наших старых споров, дело шло о последних, предельных жизненных проблемах, о первичном, а не об отраженном, вторичном... Белинский говорил после спора, продолжавшегося всю ночь: нельзя расходиться, мы еще не решили вопроса о Боге. Так было и у нас, когда сходились С. Булгаков, М. Гершензон, Л. Шестов, В. Иванов, А. Белый, Г. Рачинский и др.»⁸.

Позже (11 июня по ст. стилю 1918 г.) Шестов присутствовал на рукоположении Булгакова и подарил ему сукно на рясу, о чем вспоминает Булгаков уже в эмиграции в поздравительном письме (от 12.03.1936) в связи с 70-летним юбилеем Шестова. В Париже личное общение между философами практически прекратилось, лишь иногда они встречались в тиши Булонского леса, и эти встречи всегда были радостны. Тем не менее сохранились письма этого периода, свидетельствующие об интересе мыслителей друг к другу.

А.П. Козырев. И эта дружба, если можно назвать ее дружбой, ведь близкими друзьями они никогда не были, продолжалась до смерти Шестова в 1938 г. Я бы хотел процитировать письмо Шестова Сергею Булгакову, которое я нашел в архиве Булгакова в Свято-Сергиевском Богословском институте в Париже, от 14 марта 1936 г., оно связано с благодарностью за поздравления с юбилеем:

Большое и сердечное спасибо Елене Ивановне и Вам за те дружеские чувства, которые, конечно, и мне всегда были (и сейчас в особенности) так дороги. Даже и незаслуженные похвалы (ведь заслуженных похвал

⁷ Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова: в 2 т. Т. 1. Париж, 1983. С. 10.

⁸ Цит. по: Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова. Т. 1. С. 59.

не бывает – помните, как Гамлет говорит “если с человеком обращаться по заслугам, кто из нас избежит пощечины?”) меня радовали – и именно потому, что я в них видел выражение Вашей дружбы. И ведь то-то – за все 35 лет, которые протекли со дня нашей встречи в Киеве, у нас ни разу не было не только ни одного столкновения – и ни разу не было ни одного недоразумения. А меж тем, что только не пришлось нам за эти долгие и такие страшные годы нам терять! <...> Не смею призывать на Вас Божье благословение – это привилегия, нам не принадлежащая, – но позволим себе пожелать душевного мира и твердости, столь нужных всем в наше время. Знаю от Н.А.[Бердяева] – и по его статьям, и по рассказам – что Вам приходится вести трудную борьбу и как раз на такой почве, на которой бороться, хотя и необходимо, но особенно тяжело – защищаться от клеветы, возводимой на Вас безответственными людьми. Я не сомневаюсь в том, что Вы и друзья Ваши, идущие с Вами, будете оправданы – и не только потомством, но и современниками. И твердо уверен, что у Вас окажется достаточно мужества и духовных сил, чтобы выдержать испытание. Единственно, что тут нужно Вам пожелать – это сил физических и здоровья. И тут уже не пожелание, а просьба (могу говорить и за себя и за всех друзей ваших). Чисто внешне оберегать себя, не перегружать лишней работой и не принимать слишком близко к сердцу обличения недобросовестных и невежественных людей»⁹.

Это ответное письмо, на первый взгляд, носит протокольно-этикетный характер. Но в нем содержится ряд интересных упоминаний. В 1936 г. идет полемика о Софии Премудрости Божией. Две церковных юрисдикции – РПЦЗ, Карловацкая (на Архиерейском соборе в Сремских Карловцах) и Московская – в лице Местоблюстителя Московского Патриаршего престола митр. Сергия Страгородского – осудили Булгакова за ересь. Карловчане в 17 пунктах выразили причину осуждения книги «Агнец Божий», найдя в ней гностицизм и арианство. В письме Шестов пытается по-дружески и по-человечески поддержать Булгакова. Иудей, до конца своих дней оставшийся верным вере отцов, пишет православному священнику, «левиту до шестого колена», как называл себя Булгаков. Может быть, стоит поучиться подобному межконфессиональному уважению и корректности.

Философия Шестова и Булгакова, несмотря на стилистическую и проблемную разницу, имеет нечто общее – библейское предание. «Афины и Иерусалим» – работа Шестова, где он говорит о том, что вера пророков и отцов для него глубже и важнее, чем вся греческая философия. «Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова, а не бог философов и ученых», – эти слова Паскаля можно сделать эпиграфом ко всему творчеству Шестова. А Булгаков, отойдя от марксизма, от занятий политической экономией, пришел к богословию и стал крупнейшим богословом православной церкви, его работы несут в себе потрясающее ощущение живого предания и поистине шестовский антиномизм и шестовскую боль о неразрешимых апориях познания, в тенетах которых человек может погибнуть. Я прочту одну цитату из работы «Трагедия философии», которую Булгаков написал в Крыму. В 1922 г. Булгаков был выслан бессрочно, без права возвращения, и на утлом суденышке он увозит с собой в Константинополь рукопись книги «Трагедия философии». Как интересно все оборачивается в русской философии: Шестов пишет работу «Достоевский и Ницше (Философия трагедии)», а сочинение Булгакова называется «Трагедия философии». Он ее

⁹ Оpubл.: Козырев А.П., Климов А.Е. Материалы к «Спору о Софии» // Записки русской академической группы в США. Т. XXXIX. Нью-Йорк, 2016. С. 59–60.

напечатает по-немецки в Дармштадте в 1927 г., а русский текст увидит свет только в 1995 г., уже в постсоветские годы. Вот как Булгаков характеризует «трагедию философии»: «История философии есть трагедия. Это – повесть о повторяющихся падениях Икара и о новых его взлетах. Эту трагическую сторону философии, которая есть и удел каждого мыслителя, остро чувствовали некоторые умы, как Гераклит и Платон. Кант подошел к самому краю бездны в своем учении об антиномиях и остановился. Сущность трагедии состоит в том, что человек страдает здесь не индивидуальной виной, и, даже будучи прав индивидуально и подчиняясь в своих требованиях велениям свыше, он в то же время закономерно гибнет. Философ не может не лететь, он должен подняться в эфир, но его крылья неизбежно растаивают от солнечной жары, и он падает и разбивается»¹⁰. С точки зрения религии философия – ересь, а история философии – религиозная ересиология, совокупность ересей. Но это не означает, что не стоит заниматься философией, нет, напротив, нужно за нее браться, взлетать и падать, гибнуть, страдать на кресте антиномий, испытывать трагическую муку, тоску по истине. Эта мысль очень близка пафосу философии Льва Шестова. Несмотря на разницу темпераментов и выбранный стиль (булгаковский стиль – профессорский, в чем-то немецкий, геллертерский, с фундаментальной опорой не только на немецких философов (Канта, Гегеля, Шеллинга, Фихте), но и представителей религиозно-исторической школы (Гарнак), в противоположность неакадемичному, ироничному и афористичному стилю Шестова), мысль Булгакова, как и мысль Шестова, очень зримо и трагически перед нами предстает.

К.В. Ворожжихина. Да, но при этом философы достаточно критически относились друг к другу. В целом Булгаков – не герой Шестова. Но они были знакомы, и определенные реакции на философствование Булгакова у Шестова были. Например, в письме своей сестре Фане в апреле 1905 г. Шестов пишет о Булгакове: «Он думает или, по крайней мере, хочет думать – что страдания не страшны, не должны быть страшными для верующего человека. Ведь в этом главное преимущество веры – что она может ничего не бояться. Отними это убеждение – и ничего не останется. Иной, конечно, вопрос, насколько он прав в своей вере, но раз допустить правоту и веру, уже нельзя ни на чем останавливаться... В Евангелии сказано: ищите прежде всего Царствия Божия и правды Его, все остальное вам приложится. И еще: претерпевший до конца спасется. Как ни толкуй эти слова, а смысл их в том, что мирских страданий бояться не следует. Правда, Булгаков, как и все другие, не умеет последовательно провести эти заповеди. Но ведь люди на то и люди, чтобы ничего до конца не доводить»¹¹. Вероятно, к московскому периоду их общения можно отнести свидетельство В.Г. Малахеевой-Мирович, согласно которому Шестов говорил: «Когда я с Вячеславом Ивановым, с Булгаковым, я чувствую, что по сравнению с ними уже верующий»¹².

Для Шестова сочетание «религиозная философия» является оксюмороном, хотя его книга «Афины и Иерусалим» во французском переводе вышла с подзаголовком: «Опыт религиозной философии». Он считал, что существует строгая дизъюнкция – либо религия, вера, либо философия, либо Иерусалим, либо Афины. Вся традиция религиозной философии, по мнению Шестова, отходит от веры и оказывается под властью разума.

¹⁰ Булгаков С.Н. Трагедия философии // Булгаков С.Н. Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 314.

¹¹ Цит. по: Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова. Т. 1. С. 80–81.

¹² Малахеева-Мирович В.Г. Маятник жизни моей: 1930–1954. М., 2016. С. 627.

Шестова называют «философом библейского откровения»¹³; Библия для Шестова – это самая первая «критика разума»; Библия полна противоречий, она нелепа, парадоксальна и чудесна. В ней содержится истина, которая идет вразрез со всеми навыками нашего мышления, она не требует никаких доказательств и не принимает обоснований. Шестов фактически не делает различия между Ветхим и Новым Заветами. В письме (от 26.10.1938) к Булгакову он пишет: «Для меня противоположности между Ветхим и Новым Заветом всегда казались мнимыми... Знание преодолевается, откровенная истина – “Господь Бог наш есть Бог единый” – в обоих заветах возвещается эта благая весть, которая одна только и дает силы глядеть в глаза ужасам жизни»¹⁴. Как отмечает Булгаков, это «неразличение есть основной и важнейший факт в его учении»¹⁵: Шестов не делает его так, как это принято в христианском богословии. При этом Шестов принимает как Ветхий, так и Новый Завет не целиком. Он «исключает» из Ветхого Завета Книги учительные – Псалтырь и «хокмическую» письменность (т. е. письменность мудрых: Книги Притчей Соломоновых, Экклезиаста и др.), кроме Книги Иова, а также за небольшими исключениями и пророческие книги. В Новом Завете наиболее неприемлемым для него является Евангелие от Иоанна, начинающееся антиветхозаветно: «В начале было Слово», – что в понимании Шестова означает: сперва Афины, потом Иерусалим, то есть все, что связано с откровением, нужно взвешивать на весах Афин, на весах разума. Таким образом, Шестов проводит свою «критику» Библии, акцентируя внимание лишь на тех ее частях, которые считает не зараженными духом античной философии.

А.П. Козырев. На самом деле Булгаков тоже в большей степени является философом Иерусалима, нежели Афин. В религиозной философии есть два ключевых понятия – Логос и София. Логос – мужское начало в Боге, София – женское начало в Боге. Логос – это понятие греческой философии, понятие Гераклита. Апостол Иоанн заимствует его, чтобы быть понятным всем – и эллину, и иудею, чтобы сделать христианскую веру поистине вселенской: «В начале был Логос и Логос был у Бога и Логос был Бог» (Ин. 1:1). София – понятие библейское, это понятие псалмов, Книги Премудрости Соломона, Притчей Соломона. Хокма – мудрость, которая была устроительницей мира, хозяйкой и украшительницей мира: «Господь имел меня началом пути Своего, прежде созданий Своих, искони» (Притч. 8:22). Булгаков является философом Софии, а не Логоса. Архиепиеи, митрополиты, патриархи говорили, что Булгаков выдумал Софию, что он извлек Софию у Валентина, что София – родное понятие для культур, основанных и исходящих из Библии, – это ересь. Однако есть боговдохновенные книги Ветхого Завета, где София присутствует отнюдь не аллегорически. Из отцов церкви Афанасий Великий говорил о софиологических основах образа Богородицы. Конечно, как можно было бы красиво это выразить, Булгаков – это Афины, Шестов – это Иерусалим, но они оба имеют склонность к Иерусалиму, может быть, Шестов больше.

К.В. Ворожихина. Я бы хотела привести реакцию Булгакова на книгу Шестова «Афины и Иерусалим». В 1938 г. в журнале «Современные записки» выходит статья Шестова «Николай Бердяев. Гнозис и экзистенциальная философия». Булгаков сразу откликнулся на нее, поскольку почувствовал определенную близость своим взглядам, обнаружил некоторые точки сопри-

¹³ Ловцкий Г.Л. Философ библейского откровения (К 100-летию со дня рождения Льва Шестова) // Новый журнал. 1966. Кн. 85. С. 208–230.

¹⁴ Библиотека Сорбонны (Архив Льва Шестова), MS2120/37.

¹⁵ Булгаков С.Н. Некоторые черты религиозного мировоззрения Л.И. Шестова // Современные записки. 1939. № LXXVIII. С. 318.

косновения с шестовской мыслью: «...в понимании тварной свободы, а иной и не существует, я нахожу в Вас союзника. Очевидно, дальше в “философии откровения”, мы разойдемся, поскольку Вы философию веры поворачиваете в сторону а- или даже антидогматизма. Однако я вижу с новой очевидностью, как Ваш исходный постулат неразумной веры уже включает, хотя бы в качестве постулата догматический минимум послания к Евреям гл. XI.1.6: верить подобает, что Бог есть... Я всегда знал, а здесь определенно почувствовал, что Ваш апофеоз беспочвенности таит в себе абсолютную почву ветхозаветного откровения, которое в сознании Вашем, конечно, давно уже стало новозаветным»¹⁶ (письмо от 22.10.1938).

Помимо ответного письма Шестов посылает ему свою только что вышедшую книгу «Афины и Иерусалим», где, по мнению философа, тема, заинтересовавшая Булгакова, раскрыта более подробно. Шестов в 1938 г. умирает, и Булгаков пишет статью-некролог «Некоторые черты религиозного мировоззрения Л.И. Шестова», в которой содержится отзыв на работу Шестова. Если для Шестова истинная религиозная философия основывается на вере, а не на разуме, то для Булгакова религиозная философия не может быть выстроена на противопоставлении веры и мысли (философии), но только на их гармоническом соединении. Поэтому, считает Булгаков, «есть только один оправдываемый вид религиозной философии – догматическое богословие: путь в Иерусалим через Афины или наоборот... Противоположности между Афинами и Иерусалимом в действительности нет, она выдумана»¹⁷, а «возможность безмысленной веры есть такая же “парадоксальная” выдумка, как поработящая, а не освобождающая истина»¹⁸. Философский нигилизм Шестова, по мнению Булгакова, – одна из разновидностей рационализма, который, с одной стороны, приближается к софистам, провозгласившим человека мерой всех вещей, а с другой – к «обскурантам, предпочитающим религиозной мысли слепой догматизм»¹⁹.

А.П. Козырев. Есть еще Константинополь, второй Рим, может быть, для Булгакова Царьград – это то место, где соединяются Афины и Иерусалим, Эллада и Россия. Логика Шестова парадоксальна, но, наверное, при желании ее можно описать, формализовать. Риторически Шестов достаточно однообразен. Сочинения Шестова очень хороши для начального философского образования, чтобы инициировать себя к философии, расширить свой кругозор, почитать на европейских и «мертвых» языках. В своих книгах он давал цитаты без перевода на тех языках, на которых писали философы. Но тропы и приемы, которые он использует, везде похожи; о ком бы он ни писал, о своих героях или об антигероях, он пишет приблизительно одинаково. Но на самом деле он говорит о себе. У него есть союзники и противники. Он находит что-то свое и близкое, например «творчество из ничего» у Чехова, и начинает впиваться, как червь, в тексты Чехова, делая из Чехова Шестова. Он находит в Декарте рационализм и начинает этот рационализм критиковать. Приемы критики, скажем, рационалиста Сократа аналогичны тем приемам, которыми он разбирает умозрения Декарта.

К.В. Ворожихина. При создании своих текстов философ действительно использует других мыслителей, близких ему по духу (Достоевский, Ницше, ап. Павел, Авраам, Иов, Кьеркегор), как маски. Работы Шестова сотканы из бесчисленного множества фрагментов-цитат, выхваченных из самых разнооб-

¹⁶ Цит. по: *Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова. Т. 2. С. 191–192.

¹⁷ *Булгаков С.Н.* Некоторые черты религиозного мировоззрения Л.И. Шестова. С. 313.

¹⁸ Там же. С. 312.

¹⁹ Там же. С. 313.

разных литературных и философских источников, которые перекликаются и «играют» друг с другом: это библейские изречения, высказывания философов, литературные отрывки. Шестов неаккуратен в цитировании: он деформирует и искажает цитаты, часто воспроизводит по памяти, передавая их смысл приблизительно и неточно. Такое цитирование оказывается неявным способом изложения мыслей самого Шестова; цитаты «вкладываются» в уста мыслителей-двойников, которым Шестов приписывает собственные идеи. Это то, что Бердяев называл «шестовизацией» взглядов мыслителей, к которым обращается Шестов.

Метод, который использует Шестов при анализе текстов, – «странствование по душам» мыслителей, близких философу, – прежде всего тех, которые пережили безнадежность, отчаяние, безумие, даже смерть, и этот опыт лег в основу их «переоценки ценностей», «перерождения убеждений». Шестов видел свою задачу в восстановлении траектории внутренней жизни исследуемого философа, прояснении того, как преломлялся пережитый мыслителем опыт в его произведениях. Таким образом, прикрываясь масками своих философских двойников, Шестов выражает и исследует, главным образом, свои собственные мысли, идеи, самого себя; тем самым его произведения представляют собой не что иное, как непрерывный самоанализ, и в этой его работе над собой – предвосхищение психоанализа. Как считает Фаня Ловцкая (сестра мыслителя), специализировавшаяся на изучении психоанализа, Лев Шестов – «один из самых выдающихся предшественников Фрейда»²⁰. Тексты Шестова оказываются «духовной автобиографией», непрямой исповедью, в которой он познает *другого* – через себя и *себя* – через другого.

У Шестова, как и у его любимых героев, был в жизни мировоззренческий, экзистенциальный кризис. Этот перелом, когда, как пишет Шестов в своем дневнике, «распалась связь времен», произошел в 1895 г. Личная драма заставила его отказаться от догматической, рациональной философии и встать на путь адогматизма и «беспочвенности».

Ю.В. Синеокая. Что же произошло?

К.В. Ворожихина. Что именно произошло, долгое время было неизвестно. Дочь мыслителя Н. Баранова-Шестова предполагала, что, возможно, занятие нелюбимым делом – работа на предприятии отца – могло спровоцировать подобные последствия. По другой версии, Шестов хотел жениться на православной девушке Анастасии Малахиевой, но отец не дал согласия: семье Шварцманов уже была подобная ситуация, когда старшая сестра Шестова Дора вышла замуж за гою и отец разорвал с ней отношения.

Однако из писем Шестова и воспоминаний поэтессы Варвары Малахией-Мирович складывается иная картина этих событий. В письме 1896 г. из Карлсбада Шестов пишет Варваре Мирович: «Бывают грустные настроения – но они относятся к тому проклятому случаю, который наделал столько дел в моей жизни. А помимо этого, убежден, что еще добьюсь своего, и выведу и вас, и Настю на путь»²¹. В дневниках Малахией-Мирович мы находим такое свидетельство: «Сестра (Анастасия) полюбила человека, который любил меня, был моим женихом. Брак наш по моде того времени и по не пробудившемуся у меня темпераментному влечению рисовался мне как непременно фиктивный. Но и у меня отношения к этому человеку были настолько глубоки и для всей внутренней жизни ни с чем несравнимо важны, что “отдать” его сестре без борьбы оказалось невозможным... Человек, из-за

²⁰ Штейнберг А.З. Друзья моих ранних лет (1911–1928). Paris, 1991. С. 244.

²¹ Библиотека Сорбонны (Архив Льва Шестова), Ms 2111–1/Ff 42.

которого мы “боролись”, сам переживал в это время – отчасти на почве той нашей борьбы – огромный идейный кризис... С моей стороны уязвила и пугала этого человека неполнота моего ответа на полноту его чувства. И все это перенеслось для него в философское искание смысла жизни и в тяжелую нервную болезнь, которая привела его в одну из заграничных лечебниц и потом на целые годы за границу...»²². По ее мнению, если бы в молодости она «ответила Льву Шестову так, как ему казалось тогда единственно важным для его души, не было бы у него того великого опыта, который привел его к огромной работе духа над загадкой жизни и смерти»²³.

Увлеченная богоискательством, Варвара Малахиева-Мирович не могла ответить на его чувства, она считала свою природу «монастырской», «лунной», не терпящей брака и семьи. Она рассматривала свои отношения с Шестовым лишь как духовный союз: «И в прикосновении Вашей руки и в Вашем взгляде было что-то смутившее меня и поднявшее в моей душе опасение за Ваше будущее, за будущее наших отношений»²⁴, и далее: «Они должны быть чисты, друг мой, чисты, как взгляд Христа, протянувшего руку Марии. Эта чистота [нужна] мне как лучший дар для моей души теперь, и никакие страсти, никакая любовь не дали бы мне, что дали отношения подобные нашим»²⁵ (из письма Малахиевой-Мирович Шестову от 16 августа 1895 г.). Некоторые фрагменты из дневников Варвары Малахиевой-Мирович были опубликованы в 2011 г. в журнале «Новый мир», более полный том ее дневников вышел в конце 2015 г.

А.П. Козырев. Женщины всегда думают, что все происходит из-за них.

Ю.В. Синеокая. Но не всегда они ошибаются.

А.П. Козырев. Не всегда они ошибаются, но, наверное, не только неудачная любовь является причиной философских исканий, занятий философией.

Ю.В. Синеокая. В жизни Булгакова было иначе?

А.П. Козырев. С Еленой Ивановной Токмаковой они поженились достаточно рано. Они познакомились, когда Булгаков был за границей, готовил докторскую диссертацию. Елена Ивановна была марксисткой и оставалась марксисткой дольше, чем ее муж. Она поехала в Европу, чтобы изучать социологию. Булгаковы прожили долгую жизнь, но это не означает, что у Булгакова не было романтических увлечений, среди которых – духовный роман с иконописицей Юлией Николаевной Рейтлингер (в монашестве – сестрой Иоанной)²⁶. Три пражских дневника наполнены образом этой женщины, о которой он пишет, в особое призвание которой он верит, иконы которой он называет новым словом в религиозном искусстве. Икону «Глава Иоанна Предтечи» она писала с Сергия Булгакова. Или, например, писательница Евгения Казимировна Герцык была предметом особой душевной привязанности Булгакова. Но у Шестова иная ситуация – у него это произошло в начале пути.

К.В. Ворожжихина. Дневники Малахиевой-Мирович можно сравнить с «Воспоминаниями» Евгении Герцык, написанными также в советской России в 1930-е гг. Так же как и Мирович, Герцык была близка к литераторам и мыслителям Серебряного века и в определенный момент претендовала на роль интеллектуальной подруги Шестова. Вероятно, между ними существовало опре-

²² Малахиева-Мирович В.Г. О преходящем и вечном. Дневниковые записи (1930–1934) // Новый мир. 2011. № 6. С. 131.

²³ Малахиева-Мирович В.Г. Маятник жизни моей. С. 738.

²⁴ Библиотека Сорбонны (Архив Льва Шестова), Ms 2111/1, fs 25.

²⁵ Библиотека Сорбонны (Архив Льва Шестова), Ms 2111/1, fs 26.

²⁶ См.: Ю.Н. Рейтлингер (сестра Иоанна) и о. Сергей Булгаков. Диалог художника и богослова. Дневники. Записные книжки. Письма. М., 2011.

деленное соперничество, по крайней мере, со стороны Герцк. Герцк пишет о Мирович: «Нередко, приходя к нам вечером, он (Шестов. – К.В.) приводил с собой шестовцев, как мы с сестрою их прозвали. Молчаливый народ, неспаянный между собой, а с ним, с Шестовым, каждого порознь связывали какие-то вовсе не литературные нити»²⁷; «Хорошенькая и полногрудая украинка Мирович, печатавшая в журналах декадентские пустячки. Вся – ходячий трагизм. Заметив заколотую на мне скромненькую брошку-якорь, значительно произнесла: “Вы не должны носить якорь – Вам к лицу безнадежность”... Нет, Льву Исааковичу вкус не позволил бы призывать приятельницу к безнадежности! Да и не вкус один»²⁸. Мысль о безнадежности как величайшей надежде была для Мирович одной из важнейших шестовских идей.

А.П. Козырев. Есть еще одна вещь, которая объединяет Шестова и Булгакова: как ни странно, это – Япония. Здесь присутствует известный в Японии исследователь русской философии (С. Булгакова, И. Ильина) Хироюки Хориэ. Шестов тоже очень активно издавался в Японии. Хориэ говорит, что он был одним из популярнейших авторов в Японии 1930-х гг.

Хориэ: Западной философией в Японии начали заниматься в конце XIX в. Сначала у нас изучали немецкую философию, а в начале XX в. появился интерес к русской философии. У нас есть православная церковь, и прихожане стали интересоваться православной религиозной мыслью, поэтому сначала перевели работы Вл. Соловьева. Потом возник интерес к Шестову. Если я не ошибаюсь, в 1934 г. японский философ Киоси Мики опубликовал статью о «беспокойстве по Шестову», и это стало устойчивым выражением. Видимо, это соответствовало духу времени, духу эпохи – в это время началась японско-китайская война, и в обществе царил беспокойство, ощущалось, что под ногами пропала почва. С этим связывают такое отношение к Шестову.

Ю.В. Синеокая. Интересно. И до сих пор Шестов популярен в Японии? Сегодня тоже?

Хориэ: Не особенно. Но я думаю, что для нас, японцев, есть что-то близкое в свободном размышлении без догматики. Такой стиль философствования нам очень близок.

А.П. Козырев. Не только в Японии «беспокоились по Шестову», но и во Франции Шестов стал фигурой *grata*, то есть приветственной персоной. Существовало общество друзей Льва Шестова (*Comité des amis de Léon Chestov*), которые собирали по франку, по 10 франков и на эти деньги издавали французские переводы книг Льва Шестова, которые до сих пор можно найти у букинистов на берегах Сены. Я лично видел их там – книги Шестова найти несложно. Причем, как правило, это нумерованные экземпляры. Эти книги выходили обычно тиражом по 300 экземпляров. Это многого стоит, когда в иноязычной культуре появляется группа людей, которым интересно прочитать сочинение на своем языке, и к тому же они готовы оплатить его издание. Это значит, что Шестов действительно вышел за рамки русского языка и русской культуры и превратился в европейского или созвучного европейцам философа. Ксения как раз писала про французских друзей Льва Шестова: Борис Шлёцер, Жорж Батай, Бенжамен Фондан. Я сам могу засвидетельствовать, что, когда я был на стажировке в Париже в 1997 г., я ездил в Эколь Нормаль на творческий поэтический вечер Ива Бонфуа, выдающегося французского поэта, который действительно заслуживал Нобелевской премии. Он по образованию философ, закончивший Сорбонну в 1948 г. и

²⁷ Герцк Е.К. Лики и образы. М., 2007. С. 141.

²⁸ Там же. С. 142.

написавший предисловие к французскому двухтомнику Льва Шестова. Я к нему подошел и спросил, откуда он узнал о Шестове. И он ответил, что Борис Шлёцер познакомил его с философией Шестова. Значит, это не было случайностью. Даже в его стихах, в его поэзии есть очень много мотивов, которые легко можно опознать как шестовские. У него есть сборник стихов «В оболщении порога». Так и весь Шестов подходит к какому-то порогу, но переступить его и пройти дальше он не может.

К.В. Воровжихина. На самом деле достаточно интересно, что Шестов оказал влияние, например, на Жоржа Батая, ведь не совсем очевидно. Их знакомство продолжалось совсем недолго, но оно, на мой взгляд, оставило значительный след в философии и творчестве Батая. Шестов оказался фактически первым учителем философии Батая; прежде всего, он познакомил Батая с Достоевским. И один из важнейших мотивов философии Шестова – это соответствие жизни и мировоззрения. Шестов часто, анализируя тексты своих героев, указывает, например, что Достоевский хочет сказать одно, а на самом деле говорит совершенно другое, т. е. рационально он утверждает одно, а его переживания, его эмоциональный голос говорит об ином, и этот второй голос выражает экзистенциальную истину. Так, в своих текстах Шестов пытается найти несоответствие между жизнью и философией. Батай воспринял идею Шестова о том, что жизнь и философия связаны неразрывно, и, познакомившись с героями Достоевского, пытался жить так же, как они, то есть быть «человеком невозможным».

А.П. Козырев. Из чего родилась эта тема «Дневник. Письмо. Личное свидетельство»? Она возникла из одной моей публикации²⁹, когда в 1997 г., работая в архиве Сергиевского Богословского института в Париже, я нашел пожелтевшую тетрадку с названием «Из памяти сердца. Прага, 1923 г.». Я начал читать и понял, что это дневник Сергея Булгакова. Дневник очень важный, поскольку он писался уже в Праге, но в первой части дневника Булгаков вспоминает события, которые происходили за год до этого, когда пришли из ЧК его арестовывать. Его отвели в тюрьму и грозились расстрелять, потом грозились выслать в Китай – без семьи отправить по этапу, в конце концов ему объявили, что он высылается в Константинополь, в Турцию, и дали три недели на сборы. Ему иезуитским способом запретили вывезти старшего сына Федора, который остался заложником у советской власти, под предлогом того, что у него был уже призывной возраст. На самом деле, у него был не только призывной возраст, но он уже успел повоевать в Белой армии. Поэтому в любой момент Федора Сергеевича могли арестовать. Но удивительным образом он, все-таки не избежав репрессий, дожил до 1991 г.

Я обнаружил, что Булгаков многие свои тексты переносил из дневников. Дневник иногда пишется для себя, например на одном из дневников Василия Зеньковского написано: «Сжечь, не читая». Но есть дневники, которые пишутся совершенно для другого. Они очень интимные, подчеркнута личностные; например, Булгаков пишет, как к нему на исповедь пришла блудница, а он не смог ее исповедовать, прогнал, не стал с ней беседовать, а потом на следующий день пишет: «Это же сам Христос приходил ко мне, и я его не принял». Из этих дневников очень многое переносится Булгаковым потом в текст, опубликованный в журналах, в книгах. Булгаков, конечно, не сам дошел до этого, а последовал примеру своего младшего, но любимого друга Павла Флоренского, который так создал книгу «Столп и утверждение Истины», которая написана в виде писем к Другу.

²⁹ См.: Булгаков С., *прот.* Из памяти сердца. Прага. (Дневник 1923–1924) // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1998 г. М., 1998. С. 112–256.

Булгаков познакомился с Флоренским в 1906 г. и боготворил его. Он мечтал на роль того самого единственного Друга, но все время не «проходил кастинг». Очерк «Моцарт и Сальери» – это почти автобиографический очерк Булгакова об их дружбе, как это показала И.Б. Роднянская. Он сам мыслил себя Сальери возле Моцарта, возле гения, от которого зажигаешься, как лучина. Поэтому когда Булгаков публикует в 1917 г. книгу «Свет Невечерний. Созерцания и умозрения», которая тематически очень близка к «Столпу...» Флоренского, то неслучайно включает в нее страницы из интимного дневника о смерти своего трехлетнего сына Ивашечки. После этого события Булгаков пережил религиозное обращение. Это событие, которое произошло в 1909 г., когда вышел сборник «Вехи», действительно перевернуло всю его жизнь и привело его не в религиозную философию, а к самой настоящей церковности. Я бы хотел процитировать неопубликованное письмо Федору Дмитриевичу Самарину, написанное 6 сентября 1909 г. в Кореизе: «Глубокоуважаемый Федор Дмитриевич! Сердечно благодарю Вас за сочувствие нашему горю. В нем нельзя утешить, его надо пережить с покорностью Промыслу и с стремлением, насколько сил хватает, понять и последовать Божьему указанию, в этом страшном ударе, выражающемся – и это, пожалуй, еще труднее, чем пережить самое горе. Но любовь ближних и далеких, и особенно любовь церковных – облегчают... боль в такой степени, в какой я и не ожидал, по крайней мере, на моменты. И в Ваших коротких строках мне почувствовалось такое живое и подлинное участие человека, жившего, страдавшего и знающего горе, что слова Ваши прошли мне в самое сердце. Спасибо Вам!

По остальному содержанию Вашего письма, в котором Вы затрагиваете столь животрепещущий для нас обоих вопрос как об отношении к “немцам” и их “Religionsgeschichte”, мы могли бы повести бесконечный разговор, но его отложим до личного свидания. Скажу, что в основах я вполне соглашаюсь с Вами: для религии, для настоящей религии все, что делают немцы, *несущественно*, касается только оболочки, а не зерна, заниматься R<eligionsgeschicht>е можно и религиозному идиоту, каковы многие из них, и сама по себе эта замена религии наукой о религии есть признак религиозного декаданса, мирового упадка веры. В моей религиозной экономике немцы получают наибольшую *силу* в полосе религиозной анемии, наоборот, подъемы отличаются охлаждением к ним. Несущественность и всю условность этого богословия без богожития я опытно познал только недавно, когда рука промысла властно отвлекла меня от письменного стола, и три-четыре дня у постели и гроба нашего мальчика дали или, лучше показали мне в религии больше, чем все Вельгаузены вместе взятые. Да, религия есть жизнь, а не наука. Но, в то же время, по целям апологетическим – могу сослаться здесь и на свой опыт – и по *человеческой* потребности фактически людям известного культурного круга уже невозможно отделить вполне свою религию и от науки о религии, и приходится считаться с нею. У меня, по-видимому, начинает вырабатываться к этому привычка вроде курения, п.<отому> ч.<то> все-таки из всех родов научного знания, этот для меня самый интересный»³⁰.

Человек из занимающегося религией стал религиозным. Он об этом же пишет в работе «Свет Невечерний», а потом в «Автобиографических заметках»: «О, я был, как в тисках, в плену у “научности”, этого вороньего пугала, поставленного для интеллигентской черни, полуобразованной толпы, для дураков! Как ненавижу я тебя, исчадие полуобразования, духовная чума наших дней, заражающая юношей и детей! И сам я был тогда зараженный, и

³⁰ РО РГБ 265.183.20.

вокруг себя распространял ту же заразу...»³¹. До боли пронзительный фрагмент «Света Невечернего», в котором автор описывает душевное потрясение, вызванное смертью и похоронами маленького сына, перепечатан из интимного дневника. В научной книге, полной богословской и философской информации, он, казалось бы, должен быть чужеродным. Текст, написанный на грани интимности, включается в состав научного, теоретического, высокого по своему стилю текста. В этом весь Булгаков: нет жесткой границы между его дневником, его эпистолярием и его научной деятельностью. Он пишет что-то сгоряча, потом перечеркивает, как в случае с крымской работой 1921 г. «Мужское и женское в Божестве»: «Это неточно и почти неверно. Надо переписать»³².

Вот еще один интересный пример. В Константинополе, попав туда в первые дни 1923 г., Булгаков посещает храм Айя-София. «Мы не знали, где мы были – на небе или на земле», – эту фразу сказали посланники князя Владимира. Храм, который устроен таким образом, что через отверстия в полу поднимается фимиам, а внизу под полом расположены были специальные кадилаицы-жаровни для ладана, потому что совершать каждение в этом храме обычным способом, по его периметру, было невозможно из-за его размеров. Поэтому слова посланников были правдивы. Возникает ощущение, что ты находишься в облаке. И освещение, которое потрясающим образом продумано, устроено так, что свет создает некую симфонию. Фрагмент из Константинопольского дневника Н.А. Струве напечатал в «Вестнике РХД» в 1979 г. (№ 129–130). На страницах Константинопольского дневника, где Булгаков описывает это посещение, указана дата: 9(22).1.1923 г. Но дальше в 1924 г. в Праге в журнале «Русская мысль» Булгаков печатает текст «В Айя-Софии. Из записной книжки. 9 (22) января 1923 г. Константинополь». Этот текст потом входит в «Автобиографические заметки», в книгу, которая будет издана в 1946 г., после смерти Булгакова. Текст пражской публикации 1924 г. по сравнению с текстом дневника Булгаков изменяет, он «шлифует» не только текст, но и саму мысль. Он посещает храм Св. Софии с полной убежденностью, что Византия порочна, беда Руси в том, что она приняла христианство из нечистого истока, надо было из Рима, по-латински. Он поминает Папу Римского в своих тайных евхаристических молитвах и собирается перейти в католичество. Он пишет диалоги «У стен Херсониса», которыми до сих пор восхищаются католики. Вскоре Булгаков попадает в Прагу, и его увлечение католичеством резко и быстро проходит. Он уже больше не собирается переходить в католичество, он понимает, что грех лежит и на Византии с ее царедворством, цезарепапизмом, и на иезуитстве и папизме. И текст переписывается именно в такой тональности. Так, на следующий день после посещения Св.Софии он пишет: «Из всех виденных мною дивных храмов, из которых самое чарующее впечатление оставили на меня св. Марк и Notre-Dame, это есть храм, *der Dom* в абсолютном и непререкаемом смысле, храм вселенский»³³. В публикации, обработанной дневниковой записи 1924 г., упоминание о венецианском соборе Сан-Марко и соборе Парижской Богоматери, а также о католическом кафедральном соборе исчезает, а запись предстает куда более лаконичной: «Из всех ведомых мне доселе дивных храмов это есть Храм безусловный, Храм

³¹ Булгаков С.Н. Свет Невечерний. Созерцания и умозрения. М., 1994. С. 13.

³² Булгаков С., прот. Мужское и женское в Божестве // С.Н. Булгаков: религиозно-философский путь. Международная научная конференция, посвященная 130-летию со дня рождения. М., 2003. С. 345.

³³ Булгаков С.Н. Из «Дневника» // Булгаков С.Н. Тихие думы. М., 1996. С. 357.

вселенский»³⁴. По-иному решается и историософский гамбит относительно возвращения Святой Софии от «местоблюстителей» (мусульман) во все-ленскую Церковь. Так, в 1923 г. Булгаков считает, что водружение креста на Св. Софии – извечная мечта русской политики, под знаком которой шли кровопролитные войны, – не увенчалась успехом из-за «грехов» России. «У старообрядцев есть мудрое, как вижу теперь, поверье, что София будет восстановлена в конце мира. Если освободить эту мысль от эсхатологического испуга, ее окрашивающего, то это значит, что София осуществится, станет возможной лишь в полноте христианства, в конце истории, когда явлен будет ее самый зрелый и последний плод, когда явится Белый Царь, и ему, а не политическому “всеславянскому царю” откроет свои ворота Царьград, и он воздвигнет Св. Софию, а освятит ее не распутинский ставленник, но вселенский патриарх, папа Римский»³⁵. В тексте 1924 г. происходят значительные перемены, тут нет такой однозначной идентификации первоиерарха, которому надлежит в будущем освятить константинопольскую Софию: «У старообрядцев есть мудрое, как я вижу теперь, верование, что восстановление креста на Софии (конечно, не циркулярно-завоевательное, но всемирно-историческое) означает конец истории. Если освободить эту мысль от эсхатологического испуга, ее окрашивающего, и выявить скрытое в ней видение, то она означает, что София, станет осуществима лишь в полноте христианства, то есть в конце истории, когда явлен будет ее последний и зрелый плод, и сверкнет в мире православное Белое Царство. Ему, а не политическому завоевателю, не “всеславянскому царю” откроются врата Царьграда, и ему дано будет воздвигнуть крест на Софии, которую освятит не распутинский ставленник, как и не “вселенский” патриарх, но в сознании своем иерарх вселенский... (курсив мой. – А.К.)»³⁶. Подобного рода правка носит не только «конфессиональный» характер, обусловленный так называемым «католическим соблазном» (так сам Булгаков охарактеризует длившееся несколько лет увлечение католичеством, подвигнувшее его к поминанию Папы Римского за православной литургией и готовности вслед за кумиром долгих лет его поздней юности и зрелости Владимиром Соловьевым совершить переход в другую конфессию), но и в работе над уточнением понятийного строя, зачастую почерпнутого из арсенала античной греческой философии и грекоязычного христианского богословия. Изначальной дневниковой записи он говорит, о том, что храм Святой Софии оставляет чувство пространства и свободы: «Входишь... И отовсюду, сверху и снизу, со всех сторон душу наполняет это чувство пространства и свободы, безмерности и ограниченности, не борьбы границы *πέρας* – с безмерностью – *ἄπειρον*, но светлого радостного согласия – тайна св. Софии»³⁷. В тексте 1924 г. мы видим иной вариант перевода терминов Анаксимандра: «не борьба грани – *πέρας* – с безгранностью (курсив мой. – А.К.), – *ἄπειρον*, но светлого, радостного согласия: утолен титанизм, укрощено его безысходное буйство, он скрылся в ночь, просветленную днем»³⁸. Не только перевод терминов, но и смысл эволюционирует. Оказывается, что по крайней мере одной из расшифровок «тайны св. Софии» оказывается «утоление титанизма», «просветление ночи днем». Что же, вполне в духе Владимира Соловьева: «темного хаоса светлая дочь»!

³⁴ Булгаков С.Н. В Айа-Софии. Из записной книжки // Новый мир. 1989. № 10. С. 242.

³⁵ Булгаков С.Н. Из «Дневника». С. 360.

³⁶ Булгаков С.Н. В Айа-Софии. С. 244.

³⁷ Булгаков С.Н. Из «Дневника». С. 358.

³⁸ Булгаков С.Н. В Айа-Софии. С. 243.

Можно написать целое исследование о том, как меняется эсхатологический пафос мысли Булгакова и его отношение к схизме, к Византии, к разделению церковей, меняется на правке одного только текста, которая произошла через год после его написания. То есть через год – это уже другой Булгаков. Так и «работает» текст. Дальше еще интереснее 1935 г., когда начались нападки на софиологию, Булгаков написал книгу «The Wisdom of God» («София, Премудрость Божия»), чтобы объяснить англиканам, что софиология – не ересь. Она была тут же (в 1936 г.) переведена на английский язык и напечатана, и это *summary* софиологии, которое стало известно англоязычному миру, это то, с чем Булгаков вошел в мировую богословскую традицию. С чего начинается эта пока еще не изданная по-русски книга Булгакова? Она начинается фактически с текста Константинопольского дневника, который Булгаков переписывает уже в третий раз, сокращает, берет оттуда те же формулировки, те же топы: Платон, окрещенный в христианство, анаксимандровы перас и апейрон, Эллада на Востоке; прямое касание античной философии, античной традиции: «Кто посетил храм Софии в Константинополе и пережил ее откровение, тот навсегда останется обогащен новым ведением о мире в Боге, о Божественной Софии. Этот небесный купол, склоняющийся к земле и ее объемлющий, в конечных формах выражает бесконечность, [τέρας и ἄπειρον], всеединство вселенной, ее неподвижную вечность в образе тварного мира, чудо *гармонии*. Эта легкость, ясность, красота, дивная гармония, при которой совершенно исчезает тяжесть купола и стен, – это море света, льющегося сверху и владеющего всем этим пространством, пленяет, покоряет, убеждает: я в мире и мир во мне. Это Платон, окрещенный в христианство, его горняя область, куда души возносятся к созерцанию идей. Но языческая София Платона смотрится и постигает себя в Софии Божественной, и поистине храм Св. Софии есть художественное ее доказательство и оказательство, здесь божественный покров над миром. Это есть последнее, молчаливое откровение греческого гения о Софии, Премудрости Божией, завещанное векам»³⁹.

Прошло 13 лет после первого посещения Св. Софии, и больше Булгаков в Стамбуле-Константинополе не был. То есть текст дневниковой записи, сделанный 9 января 1923 г. по старому стилю, становится для него парадигмальным. Можно привести и другие примеры: описание двух встреч с Сикстинской Мадонной в 1901 и 1925 гг. – это тоже странички из дневника.

Конечно, если теперь писать «Историю русской философии», то это нужно сделать иначе, нежели это сделали В.В. Зеньковский и Н.О. Лосский. Они написали ее хорошо. Но ее нужно писать по дневникам, письмам и личным свидетельствам, тогда, может быть, выступит совершенно иной рельеф, и тогда окажется, что русская философия – это не просто повторение немецких слов и формул, а действительно интересная повесть о человеческих взлетах и падениях, страстях, любви, вере, отчаянии, тоске. Будем надеяться, что совместными усилиями мы когда-нибудь такую историю русской философии напишем.

Ю.В. Синеокая. Я думаю, что лучше тебя этого никто не сделает. Спасибо большое за этот чудесный вечер!

А.П. Козырев. Спасибо Юлии Вадимовне за этот цикл, который, как мне кажется, один из самых интересных существующих у нас проектов популяризации философии. Конечно, это состоявшийся проект, и мне хочется пожелать Юлии Вадимовне дальнейших успехов!

³⁹ Цитата дается по рукописи, хранящейся в архиве Свято-Сергиевского Богословского института в Париже.

Список литературы

- Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова: в 2 т. Р.: La Presse Libre, 1983.
- Бердяев Н.А.* Основная идея философии Льва Шестова // Бердяев Н.А. Собр. соч. Т. 3. Париж: YMCA-Press, 1989. С. 407–413.
- Библиотека Сорбонны (Архив Льва Шестова), Ms 2111/1, fs 25.
- Библиотека Сорбонны (Архив Льва Шестова), Ms 2111/1, fs 26.
- Библиотека Сорбонны (Архив Льва Шестова), Ms 2111–1/Ff 42.
- Библиотека Сорбонны (Архив Льва Шестова), MS2120/37.
- Булгаков С., прот.* Автобиографические заметки, дневники, статьи. Орел: Орловская ГТРК, 1998. 474 с.
- Булгаков С., прот.* Автобиографические заметки. Париж: YMCA-Press, 1946. 165 с.
- Булгаков С., прот.* Из памяти сердца. Прага. [Дневник 1923–1924] / Публ. и коммент. А. Козырева совместно с Н. Голубковой при участии М. Колерова // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1998 г. / Под ред. М.А. Колерова. М.: О.Г.И., 1998. С. 112–256.
- Булгаков С., прот.* Мужское и женское в Божестве // С.Н. Булгаков: религиозно-философский путь. Международная научная конференция, посвященная 130-летию со дня рождения / Сост. М.А. Васильевой и А.П. Козырева. М.: Русский путь, 2003. С. 343–365.
- Булгаков С.Н.* В Айа-Софии. Из записной книжки // Новый мир. 1989. № 10. С. 242–246.
- Булгаков С.Н.* Некоторые черты религиозного мировоззрения Л.И. Шестова // Современные записки. 1939. № LXVIII. С. 305–323.
- Булгаков С.Н.* Свет Невечерний. Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 415 с.
- Булгаков С.Н.* Тихие думы. М.: Республика, 1996. 509 с.
- Булгаков С.Н.* Трагедия философии // Булгаков С.Н. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1993. С. 311–518.
- Герцык Е.К.* Лики и образы. М.: Молодая гвардия, 2007. 864 с.
- Козырев А.П., Климов А.Е.* Материалы к «Спору о Софии» // Записки русской академической группы в США. Т. XXXIX. Нью-Йорк: The Association of Russian-American Scholars in the U.S.A., 2016. С. 19–375.
- Ловцкий Г.Л.* Философ библейского откровения (К 100-летию со дня рождения Льва Шестова) // Новый журнал. 1966. Кн. 85. С. 208–230.
- Малахеева-Мирович В.Г.* Маятник жизни моей: 1930–1954. М.: АСТ, 2016. 893 с.
- Малахеева-Мирович В.Г.* О преходящем и вечном. Дневниковые записи (1930–1934) // Новый мир. 2011. № 6. С. 130–149.
- Шестов Л.* Sola fide – только верою. Париж: YMCA-Press, 1966. 195 с.
- Шестов Л.* Апофеоз беспочвенности. М.: АСТ, 2004. 222 с.
- Шестов Л.* Афины и Иерусалим. М.: АСТ, 2007. 416 с.
- Шестов Л.* Великие кануны. М.: АСТ, 2007. 253 с.
- Шестов Л.* Лекции по истории греческой философии. М.; Париж: Русский путь; YMCA-Press, 2001. 304 с.
- Штейнберг А.З.* Друзья моих ранних лет (1911–1928). Paris: Синтаксис, 1991. 288 с.
- Ю.Н. Рейтлингер (сестра Иоанна) и о. Сергей Булгаков. Диалог художника и богослова. Дневники. Записные книжки. Письма / Сост. Б. Поповой. М.: Никея, 2011. 312 с.

Diaries, letters, personal testimony: Lev Shestov and Sergei Bulgakov

Ksenia V. Vorozhikhina

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: x.vorozhikhina@gmail.com

Alexey P. Kozyrev

Lomonosov Moscow State University. 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: a.kozyrev@bk.ru

Julia V. Sineokaya

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: jvsineokaya@gmail.com

Hiroyuki Home

Eurasia view; Sapan; e-mail: hiroykiho@mail.ru

The subject of the panel discussion here reported was the role that personal testimonies, correspondence and diaries can have in philosophical studies. In particular, the participants explored the problem of the inner relations between the experiences of a thinker's personal life and his philosophical activity. Lev Shestov and Sergei Bulgakov, for all the differences they had between them both in style and philosophical content of their writings, still have much in common: they both strongly rely on the biblical tradition, profess certain skepticism as regards reason and its presumed 'omnipotence'; they draw from the sources of intimate existential experience, and so on. Despite the fact that Shestov almost never speaks in the first person, his philosophy can be qualified as a kind of self-expression and self-analysis, and his writings ultimately appear as an indirect confession. Bulgakov directly transfers much of his diaries into his philosophical oeuvre, moreover, he often accords a different meaning to one and the same entry. An analysis of such revisions makes it possible to trace down how Bulgakov's worldview evolved. Shestov and Bulgakov's letters, Bulgakov's book *Sophia, the Wisdom of God* and other unpublished documents were employed in the course of the panel.

Keywords: religious philosophy, diaries, Sergei Bulgakov, correspondence, sophiology, philosophy of tragedy, Lev Shestov, recollections

References

Baranova-Shestova, N. *Zhizn' L'va Shestova* [Lev Shestov's Life], 2 Vols. Paris: La Presse Libre, 1983. (In Russian)

Berdyayev, N. A. "Osnovnaia idea filosofii L'va Shestova" [The Main Idea of Lev Shestov's Philosophy], in: N.A. Berdyayev, *Sobranie sochinenii* [Collected works], Vol. 3. Paris: YMCA-Press, 1989, pp. 407–413. (In Russian)

Bibliothèque de la Sorbonne, archives Léon Chestov, Ms 2111/1, fs 26.

Bibliothèque de la Sorbonne, archives Léon Chestov, Ms 2111/1, fs 25.

Bibliothèque de la Sorbonne, archives Léon Chestov, Ms 2111–1/Ff 42.

Bibliothèque de la Sorbonne, archives Léon Chestov, MS2120/37.

Bulgakov, S. N. "Nekotorye cherty religioznogo mirovozzreniya L.I. Shestova" [Some Features of L.I. Shestov's Religious Worldview], *Sovremennye zapiski*, 1939, Vol. LXVIII, pp. 305–323. (In Russian)

Bulgakov, S. N. "Tragediya filosofii" [Tragedy of Philosophy], in: S.N. Bulgakov, *Sochineniya* [Works], Vol. 1. Moscow: Nauka Publ., 1993, pp. 311–518. (In Russian)

Bulgakov, S. N. “V Aia-Sofii. Iz zapisnoi knizhki” [In the Aya Sophia. From the Notebook], *Novyi mir*, 1989, Vol. 10, pp. 242–246. (In Russian)

Bulgakov, S. N. *Svet Nevechernii. Sozertsaniya i umozreniya* [Unfading Light. Contemplation and Speculation]. Moscow: Respublika Publ., 1994. 415 pp. (In Russian)

Bulgakov, S. N. *Tikhie dumy* [Quiet Thoughts]. Moscow: Respublika Publ., 1996. 509 pp. (In Russian)

Bulgakov, Sergii, archpriest. “Iz pamyati serdtsa. Praga (Dnevnik 1923–1924)” [From the Memory of the Heart. Prague (Diary 1923–1924)], ed. by A. Kozyrev, N. Golubkova and M. Kolerov, *Issledovaniya po istorii russkoi mysli. Ezhegodnik za 1998 g.* [Studies in Russian Intellectual History. Yearbook 1998], ed. by M.A. Kolerov. Moscow: O.G.I. Publ., 1998, pp.112–256. (In Russian)

Bulgakov, Sergii, archpriest. *Avtobiograficheskie zametki* [Autobiographical Notes]. Paris: YMCA-Press, 1946. 165 pp. (In Russian)

Bulgakov, Sergii, archpriest. *Avtobiograficheskie zametki, dnevniki, stat'i* [Autobiographical Notes, Diaries, Articles]. Orel: Orlovskaya GTRK Publ., 1998. 474 pp. (In Russian)

Bulgakov, Sergii, archpriest. “Muzhskoe i zhenskoe v Bozhestve” [Male and Female in the Godhead], *S.N. Bulgakov: religiozno-filosofskii put'.* *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya 130-letiyu so dnya rozhdeniya* [S.N. Bulgakov: religious and philosophical way. International scientific conference dedicated to the 130th anniversary of the birth], ed. by A. P. Kozyrev and M. A. Vasil'eva. Moscow: Russkii put' Publ., 2003, pp. 343–365. (In Russian)

Gertsyk, E. K. *Liki i obrazy* [Faces and Images]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2007. 864 pp. (In Russian)

Kozyrev, A. P. & Klimov, A. E. “Materialy k ‘Sporu o Sofii’” [Materials for the ‘Dispute about Sofia’], *Zapiski russkoi akademicheskoi gruppy v SShA*, Vol. XXXIX. New York: The Association of Russian-American Scholars in the U.S.A, 2016, pp. 19–375. (In Russian)

Lovtskii, G. L. “Filosof bibleiskogo otkroveniia (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya L'va Shestova)” [Philosopher of Biblical Revelation (The 100th Anniversary of the Birth of Lev Shestov)], *Novyi zhurnal*, 1966, Vol. 85, pp. 208–230. (In Russian)

Malakhieva-Mirovich, V. G. “O prekhodyashchem i vechnom. Dnevnikovye zapisi (1930–1934)” [At Transient and Eternal. Diary Entries (1930–1934)], *Novyi mir*, 2011, Vol 6, pp. 130–149. (In Russian)

Malakhieva-Mirovich, V. G. *Mayatnik zhizni moei: 1930–1954* [The Pendulum of my Life: 1930–1954]. Moscow: AST Publ., 2016. 893 pp. (In Russian)

Popova, B. (ed.) Yu. N. Reitlinger (sister Ioanna) and fr. Sergius Bulgakov, *Dialog khudozhnika i bogoslova. Dnevniki. Zapisnye knizhki. Pis'ma* [Dialogue between the artist and the theologian. The Diaries. Notebooks. Letters]. Moscow: Nikeya Publ., 2011. 312 pp. (In Russian)

Shestov, L. *Afiny i Ierusalim* [Athens and Jerusalem]. Moscow: AST Publ., 2007. 416 pp. (In Russian)

Shestov, L. *Apofeoiz bespochvennosti* [The Apotheosis of Groundlessness]. Moscow: AST Publ., 2004. 222 pp. (In Russian)

Shestov, L. *Lektsii po istorii grecheskoi filosofii* [Lectures on the History of Greek Philosophy]. Moscow; Paris: Russkii put' Publ.; YMCA-Press, 2001. 304 pp. (In Russian)

Shestov, L. *Sola fide – tol'ko veroyu* [Sola fide – Only by Faith]. Paris: YMCA-Press, 1966. 195 pp. (In Russian)

Shestov, L. *Velikie kanuny* [The Great Vigils]. Moscow: AST Publ., 2007. 253 pp. (In Russian)

Shteinberg, A. Z. *Druz'ya moikh rannikh let (1911–1928)* [Friends of my early Years (1911–1928)]. Paris: Sintaksis, 1991. 288 pp. (In Russian)